

Предисловие

Эта тема меня занимает вот уже лет эдак ...дцать с хвостиком.

Началось все во время моей учебы на лит-факе, задолго до повсеместного распространения интернета, когда я в свободное от сдачи коллоквиумов и зачетов время кропала девичьи графоманские тексты. Естественно, они были сделаны из набора юной возвышенной филологини: взять приличный кусок любовного томления, приправить историями о страстной и вечной любви, добавить по вкусу недоступный объект восхищения — и подавать горячим!

Основным моим времяпрепровождением тогда было чтение, причем чтение запойное, сумасшедшее, до мушек в красных кроличьих глазах.

Приходя домой из института, я открывала очередной том и погружалась в другую жизнь.

В этом винегрете из книг «смешались в кучу» Гомер, Софокл, Лонг, «Повесть временных лет» по программе, Ахматова, Чаадаев (до сих пор не могу понять, как он-то туда попал), Джейн Остин, Чехов, Уайльд, Мериме (ах, с каким упоительным ужасом я перечитывала «Локиса» и не могла себе представить, что же сделал медведь с молодой женой), Теккерей, Диккенс...

Равные с ними права имели газеты, старые и новые журналы и покетбуки с томными красавицами и еле сдерживающими страсть красавцами, мускулы которых готовы были вот-вот разорвать в мелкие клочья батистовые накрахмаленные рубашки с кружевными манжетами. Количество подробных описаний внешности персонажей, их «белокурых локонов», «мощных бедер», «зардевшихся щек» переходило все разумные границы!

Но уже в ту пору меня «терзали смутные сомнения», что тексты, которыми нас пичкали в школе на уроках литературы, созданы не только чтобы сводить с ума школяров и студентов. Что Пушкин, Гоголь, Чехов, Бунин, и даже, о Боже, Толстой, а также Джойс, Моэм, Набоков, Пруст и другие — это абсолютно реальные, «живые» люди, а вовсе не похожие друг на друга пыльные портреты в кабинете литературы.

Мало того, оказалось, что и персонажи, созданные этой «могучей кучкой», иногда выглядят куда реальнее и интереснее тех людей, которых мы каждый день встречаем на улицах.

Поэтому хотелось раскусить, понять — **КАК** это написано? Чем, помимо гениальности, таланта, магических литературных способностей нужно еще обладать, чтобы слова сводили с ума, вдохновляли, заставляли думать, смеяться, плакать — словом, **ЖИТЬ**?

Потом я окончила институт, аспирантуру, родила двоих детей, преподавала; написала и отредактировала километры текста; сто раз писала и бросала свой роман (правда, раз сто); снова училась и снова писала; брала интервью у разных удивительных собеседников, влюбленных в свое дело; создала подкаст «Ночное» о взаимосвязях русской и итальянской культуры...

И вот теперь, уже как внимательный читатель, я вижу, что слово, которым мы владеем, — это самое настоящее сокровище. Всякий раз, когда мы мучаемся страхом «белого листа», вновь и вновь удаляем из ворда или гуглдока первое предложение, чувствуем беспомощность и отчаяние перед будущим текстом.

Раздражение и злость, что не получается сразу и хорошо, а лучше сразу, хорошо и много. Стыд и неловкость за свои корявые тексты, которые никто никогда не прочитает, а если и прочитают, то обязательно публично засмеют, разве можно «со свиным рылом в калашный ряд»... где ты — а где *великЫй русскЫй роман*? Поэтому сворачивай-ка ты, матушка, свою лавочку, и займись чем-нибудь общественно полезным. Знакомо?

Именитые писатели тоже испытывали страхи, которые испытываем и мы, простые смертные. Например, колумбийский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Габриэль Гарсия Маркес вспоминал, что к писательской смелости его подтолкнул рассказ Франца Кафки «Превращение». Вот как он описывает этот момент: *«Как-то вечером приятель одолжил мне сборник рассказов Франца Кафки. Я вернулся в пансион, где тогда жил, и начал читать “Превращение”. От первой же строчки я чуть не вылетел из кровати от удивления. Вот она: “Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое”.* Когда я прочитал это, то подумал, что до сих пор мне не встречались

авторы, которые могли бы себе позволить писать подобное. Если бы я знал, что так можно, то уже давно бы начал писать! И я тут же засел за рассказы»¹.

Чехов со свойственной ему иронией о стезе писателя говорит так: *«Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: “Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!”*. Если же, несмотря на такую экзекуцию, оный младенец станет проявлять писательские наклонности, то следует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите “пропало”. Писательский зуд неизлечим»².

На самом деле, у нас под рукой есть все, чтобы помочь себе.

Хорошая новость №1: спасение рядом!

Хорошая новость №2: мы можем вместе перечитать знакомые и незнакомые тексты и поговорить про любовь. Любовь к словам, абзацам, метафорам, образам, удачно выстроенным диалогам. К тому, что нас выталкивает из рутины

¹ Юрген Вольф «Литературный мастер-класс», Манн, Иванов и Фербер, 2014 год, пер. Александра Коробейникова.

² А. П. Чехов. Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. — М.: Наука, 1975. — Т. 3.

и заставляет погружаться в чужую жизнь, веря в написанное, и гореть новыми идеями.

Вместе мы подробно рассмотрим, какие приемы можно позаимствовать у признанных мастеров слова, и как их можно применить в собственных текстах. Это будут совершенно конкретные разборы, без заумных и сложно-сочиненных филологических штук. В конце каждой главы я предлагаю вам несколько упражнений, с помощью которых вы сможете усвоить пройденное независимо от того, пишете ли вы текст в собственный блог, школьное сочинение, лирическую зарисовку или наброски к будущей книге.

Если вы откроете комедию Николая Гоголя «Ревизор», то увидите его «Замечания для господ актеров», в которых автор подробно расписывает, как следует играть ту или иную роль. Так вот, я, следуя примеру Николая Васильевича, пишу замечание для господ читателей: не «проглатывайте» эту книгу, не торопитесь, читайте «с чувством, толком, расстановкой», записывайте мысли, которые будут приходить к вам во время чтения (а они обязательно будут приходить!). Если вы привыкли записывать свои мысли на диктофон или в телефон, попробуйте, читая эту книгу, вести записи от руки.

Мелкая моторика как нельзя лучше «разгоняет мозги» на творчество.

«Я пишу от руки, потому что не привык думать за машинкой. Мне нужно чувствовать в руке карандаш, видеть, как из-под кончика карандаша выходят слова, и если слово не то, я его просто стираю и пишу новое. Мне надо все сначала записать на бумагу. Только после этого я перепечатаваю все на машинке, но сначала мне нужно, чтоб текст был написан от руки, чтоб я чувствовал его», — говорил Уильям Фолкнер¹.

Генри Миллер считал, что писателю вредит любая механистичность: *«Когда пишу от руки, у меня создается впечатление, что я более искренен, не столь литературен. За пишущей машинкой у меня все получается слишком гладко. Это напоминает проигрывание фортепьянных гамм. Моими мыслями каким-то образом управляют пальцы»².*

Я не предлагаю, как пушкинский Сальери, «поверить алгеброй гармонию», разложить творчество на молекулы и атомы, вовсе нет. Но я верю, что у нас есть все шансы справиться со

¹ Юрген Вольф «Литературный мастер-класс», Манн, Иванов и Фербер, 2014 год, пер. Александра Коробейникова.

² Генри Миллер «Избранное. Эссе. Автобиография. романы, повести, эссе. рассказы, автобиография», ВИЛЬНЮС, POLINA, 1995. МОСКВА, ВиМо, 1995.

страхами, овладеть конкретными инструментами, чтобы создать текст, который, возможно, станет началом вашего большого творческого пути.

Итак, в путь!

Добро пожаловать на наш литературный борт!

Часть I

В первой части книги мы рассмотрим самые яркие примеры и приемы писательского мастерства из русской и зарубежной литературы. Если бы мы взяли всех любимых авторов, только список писателей занимал бы несколько страниц, а объем книги стремился бы к бесконечности. Поэтому если вы в оглавлении не найдете «своего» писателя, не огорчайтесь. Изучив книгу и выполнив упражнения, вы сможете взглянуть по-новому на любимые книги или захотите создать собственный текст.

Лучше всего читать главы в предложенной последовательности. В некоторых из них мы будем обращаться к написанному в предыдущих разделах, поэтому читая по порядку, системно, вам будет легче усваивать материал. Однако главы написаны так, что каждая из них вполне автономна — не возбраняется открыть книгу в любом месте, вдохновиться и начать творить.

Николай Гоголь: прожектор героя

«Еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глазах всех. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее»¹.

Так Николай Васильевич Гоголь с абсолютной прямоотой, свойственной только очень дальновидному человеку, говорит о своем писательском таланте, цитируя Пушкина. Давайте запомним это слово — «пошлость» — мы обязательно разберемся с ним в другой главе.

Но сейчас вернемся к Гоголю. Он рано понял свое призвание и с удивительной объективностью, скажем прямо, редко присущей людям писательского труда, отмечал свои, как сейчас говорят, *hard skills*²: «Я никогда ничего не созда-

¹ Викентий Вересаев. Гоголь в жизни. АСТ, 2017.

² Тяжелые навыки (англ.)

вал в воображении и не имел этого свойства ... У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных ... Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья»¹.

Портрет, создаваемый вследствие **соображенья**... Как именно Гоголь это делал? Давайте посмотрим, как Гоголь описывает помещика Манилова во второй главе «Мертвых душ»: «На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!”. В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Черт знает что такое!” — и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную»².

¹ Николай Гоголь. Авторская исповедь. Всероссийский фонд культуры. Псковское отделение, 1990.

² Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. — М.: Наука, 2012. — Т. 7.

Вереница образов гоголевских помещиков стоит перед нашими глазами еще с девятого класса. Помните, как мы послушно заучивали очередность посещения Чичиковым помещиков и символичность каждого образа? Движение от Манилова к Плюшкину должно было показать нам омертвление души, спуск в духовный ад и нравственную пустоту.

Чичиков первым делом едет к Манилову. Случайно ли Гоголь поставил сладчайшего мечтателя в начало поездки за мертвыми душами? Очевидно, что нет. По писательскому замыслу, последнюю степень деградации Павел Иванович должен был обнаружить у последнего помещика, тогда как Манилов, на первый взгляд, не внушает опасения и не несет отрицательных черт. Но так ли это на самом деле?

Посмотрите, как Гоголь подводит нас к пониманию маниловского характера, к отсутствию в нем определенности и стержня.

«Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова», — подбирается к персонажу автор¹.

¹ Там же.